

Социум в поисках собственной модальности: между самопотворством и самодисциплиной

Диагноз современной культуры как потребительской культуры все в большей степени может быть сформулирован как зашкаливающий нарциссизм, а мотивационный механизм этой культуры — как растущее самопотворство, преодолевшее границы самодисциплины. Данная ситуация в значительной мере поощряется и закрепляется философией постмодернизма, которая принципиально не проводит различия между подлинной и неподлинной действительностью и под знаком полного релятивизма эти неподлинные состояния социума просто называет «другой» реальностью. На самом деле, эта «другая» реальность заслуживает своего точного обозначения как девиантность. Философия и социальная психология самопотворства

работает не на удержание полноты и плодотворности человеческого бытия, а на его деградацию и децивилизацию. Вот почему для современного социума всё неотвратимее становится выбор стратегии resistance'a, сопротивления «инфляционному маршруту» сегодняшней цивилизации.

Ключевые слова: Самопотворство, постмодернизм, культура нарциссизма, националистическое самодовольство, самодисциплина, цивилизация, Н. Элиас, сопротивление/resistance

Александр Щелкин

доктор философских наук, профессор
Социологический институт РАН

Особенно опасно потворство, когда человек уже находится под влиянием энергии невежества.

Автор неизвестен

Высшая власть — это власть над собой.

Цицерон

Дух культуры веет, где хочет. Но почему-то в одну сторону

Дело в том, что дух культуры, конечно, веет, где хочет, но в современном обществе он почему-то предпочитает веять в одну сторону — в сторону самопотворства. Заметная тенденция — «нынешний социум» пробует освоиться в беспредельном пространстве «постматериальных ценностей», постмодернистского art nouveau, услуг «общества спектакля» и, естественно, ярких «телесных практик» той наступившей эры, которую на квази-буддистский манер иногда называют «эрой пустоты»¹. Эти новые «телесные практики» стали символическим анамнезом эпохи. По меткому слову Ж. Бодрийяра, «теперь не говорят уже: «У тебя есть душа, ее надлежит спасти», но: «У тебя есть пол, ты должен найти ему хорошее применение»², «У тебя есть бессознательное, надобно, чтобы «оно» заговорило», «У тебя есть тело, им следует наслаждаться», «У тебя есть либидо, нужно его потратить»³. Похоже, при этом в гонке за «сексуальное раскрепощение» меняется даже лидер. Если раньше пальма первенства принадлежала «феминисткам», то сегодня на лидерскую роль претендуют геи, считающие себя теми пионерами, через сексуальный опыт которых якобы «креативно» обогащается и мир гетеросексуальной интимности⁴.

И соответственно главным требованием теоретиков и практиков этого сексуального авангардизма считается, например, требование причислить «право на гомосексуализм» наряду с «основными правами человека». В том же ряду лежат и претензии на «право» сексуального садомазохистского экспериментирования со своим телом — экспериментирование на грани физической аннигиляции. Видный российский социолог Ю. Давыдов с бескомпромиссной точностью поставил научный диагноз этому культу «телесно-либидозных практик»:

«Распространение духа зла, о чем сегодня говорят совсем не безопасные для человечества игрища сексуальной революции, интеллектуальные игры и садо-мазохистские настроения постмодернистов, к сожалению, это уже эмпирический факт»⁵. Одним словом, культура позднего капитализма (в отличие от «экономики» и «политики») сориентировала и повседневно, и «элитарное» сознание на такое отношение и «потребление» жизни, которое «социальным», «цивилизованным», «культурным» назовёшь разве что с большим трудом: здесь уместен совершенно противоположный ряд оценочных синонимов — «анти-социальное», «анти-цивилизованное», «анти-культурное».

Вот почему, отвечая на вопрос «на **что** работает» культура общества эпохи постмодерна (опять же в отличие от *экономики* и *политики*, которые имеют цели вне себя), получается случай/кейс «самопотворства»: работает «на себя». Постмодернистская (анти-)культура задает нарциссическую доминанту уже не только в самых экстравагантных формах досугового поведения, но с этой же целью уже «программирует» работу для экономики (рынка изысканных и необязательных потребностей) и политики (проведение законов, легализующих, например, «эксцессы» брачно-семейных отношений). О нечто подобном в свое время писал Д. Белл в своем эпохальном труде «The cultural contradictions of capitalism» (1976) и Кр. Лэш в не менее знаменитой работе «The Culture of Narcissism» (1979).

На рубеже XXI столетия о том же продолжали с тревогой писать авторы, чей неоконсерватизм не позволял им заблуждаться на счет последствий взрыва гедонизма в нашу постмодернистскую эпоху: «Какая сила, может противостоять песне сирен гедонистской культуры, песне столь обольстительной и призывной, песне, которую повторяют едва ли не все, кто обращается к молодежи, — Голливуд, MTV, «мыльные оперы», телепередачи, глянцево-журналы, популярная музыка, дамские романы и прочие бестселлеры?»⁶. О том, что «культурная» ситуация в развитых странах продолжает принимать в чем-то еще более скандальный характер — см., например, J. Twenge and W. Campbell. «The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement» (2009): «Проблема движения к индивидуализму

¹ Ж. Липовецки. Эра пустоты. - М.: Владимир Даль, 2001.

² <http://www.slideshare.net/lazarev15/ss-33963743>

³ Ж. Бодрийяр. Общество потребления. - М.: Республика; 2006 — http://www.library.ru/2/liki/sections.php?a_uid=117

⁴ Э. Гидденс. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. - СПб.: «Питер», 2004.

⁵ Ю. Давыдов. «Патологичность» состояния постмодерна // Социологические исследования, 2001, № 11, с. 12

⁶ П. Бьюкенен. Смерть Запада. - М.: АСТ, 2003. - <http://www.sociologydeep.ru/sdps-813-1.html>

состоит в том, что это движение зашло слишком далеко, и результат этого — современная эгоцентрическая нарциссическая культура»⁷. После подобного и нелюбимого социологического диагноза как-то излишне сомневаться, что мы имеем, по словам В. Белинского, сказанных в другие времена и по другому поводу, — имеем случай «собственного добровольного искажения [человеком] самого себя». Интереснее было бы определиться с трендом потворствования гедонизму с точки зрения рождения и движения цивилизации, с точки зрения вечного вопроса «Quo vadis?» — Куда идем?

Генеалогия цивилизованности: казус Норберта Элиаса

Простая мысль этого немецкого социолога поначалу кажется настолько очевидной, что вроде бы не должна абсолютно претендовать на какую-то научную важность: цивилизация — это самоконтроль. Или ближе к оригиналу: цивилизация — это когда внешнее принуждение заменяется на самоконтроль. С этим трудно не согласиться. Цивилизованность тем и отличается от нецивилизованности, что демонстрирует в той или иной степени (но всегда в значительной) контроль над непосредственными реакциями и человеческими аффектами. На повседневном, бытовом уровне это неплохо зафиксировано в одном английском изречении: «Джентльмен — это тот, кто на половину сократил свои претензии и ровно на половину увеличил свою ответственность». Собственно, это не что иное как парафраз того вывода, к которому пришла уже римская античность — *Imperare sibi maximum imperium est*, высшая власть — это власть над собой. Н. Элиас, однако, впервые и в отличие от большинства авторов, обращает внимание на те подводные камни, или, как сейчас принято говорить, «ловушки», которые мешают и препятствуют достигать означенного уровня «самоконтроля» и «самопринуждения» на пути к цивилизации в собственном смысле этого слова.

Ренессанс — избыток «опыта самого себя»?

Н. Элиас полагает, что точкой, в которой сошлись эти два противоположных процесса, можно считать, начавшуюся в XIV — XV веках эпоху Ренессанса — эпоху, где встретились «коперниковский переворот», поставивший крест на «геоцентрических» притязаниях человека и дисциплинировавший этого человека новой, научной картиной вселенной, с одной стороны, и, с другой стороны, — «плеснувшая дерзко за пределы» эгоцентричная свобода в самых различных направлениях и областях ренессансного поведения. Н. Элиас не приводит иллюстраций, но мы их хорошо знаем. Это и «революция куртуазности» у Дж. Бокаччо, и бурлеск «телесного низа» Ф. Рабле, и политический цинизм Н. Макиавелли, и попрание всех пристойности лицами, чье высокое положение лишь оттеняло глубину человеческого падения, как это мы наблюдаем во внутренних покоях папы римского Александра VI (Р. Борджиа, 1431 -1503) и его семейства, не говоря уже о С. Малатесте (1417 -1468), правителе Римини, чей извращенный сексуальный садизм не знал никаких пределов.

Восприятие Ренессанса как возрождение гуманизма в европейской истории Нового времени, похоже, пострадало от своей односторонности. Но сегодня всё заметнее можно наблюдать не только антиклерикальный пафос Возрождения, но и то, что Н. Элиас назвал «ложным образом человека, возник-

шего в Новое время». В частности отечественный исследователь В. Луков в статье «Возрождение» пишет, что «прославление человека имело и свою оборотную сторону: появление плеяды гениев, титанов мысли соседствует с безудержным эгоизмом, свободой от каких-либо моральных ограничений, жестокостью, коварством, немислимыми злодеяниями. Об оборотной стороне ренессансного титанизма можно судить по знаменитой книге итальянского гуманиста Н. Макиавелли «Князь», рисующей идеального правителя как человека, который для укрепления своей власти должен цинично презреть все нравственные обязательства, не останавливаться ни перед чем, даже если речь идет об убийствах, измене, беззаконии. Ренессансный макиавеллизм с поразительной силой воплотил У. Шекспир в образе короля-злодея Ричарда III⁸. Всё по тем же основаниям Ю. Давыдов имел, как видим, право назвать «Ренессанс как прибежище философского аморализма»⁹. Достижение такого самообожения лежит в основе сквозного сюжета драматургии Шекспира. Некоторым героям Шекспира функциональное самообожение представляется шагом на пути к трансформации в надчеловеческое существо (Макбет), но на самом деле оказывается путем к подчеловеческому, звериному состоянию¹⁰.

Н. Элиас всё время подчеркивает, что в эпоху Возрождения формируется и такой «образ человека», который отражает избыток «индивидуализации», «опыта самого себя», «эгоцентризма», в результате чего такой индивид представляет собой «монаду», жестко противостоящую «всему остальному» и, в первую очередь, социуму. В этой дихотомии человек видится как «героически самостоятельное» существо, чье «геройство» и «самостоятельность» сводятся всего лишь к своеволию и потворству самому себе. Несомненно, что такое самопотворство несет в себе деструктивный элемент и по этой причине должно быть уравновешено или даже преодолеваться самодисциплиной и самоконтролем. Действительно, самопотворство — это чаще всего потворство тем силам, влечениям, склонностям, которые будучи предоставлены сами себе, ведут игру «на понижение». Это как бы не строительство жизни, а ее «потребление», доходящее до самоедства и самоисчерпания. Преодоление подобного потворства человеческим аффектам в широком смысле слова Н. Элиас рассматривает как генезис цивилизации, начало «цивилизационного процесса». Это действительно квинт-эссенция цивилизации. Внешнее принуждение, характерное для доцивилизационной стадии сменяется внутренним самоконтролем, или, как формулирует Н. Элиас, «происходит переход от принуждения, господствующего между людьми, к индивидуальному самопринуждению»¹¹.

Беря на себя функцию внутреннего самоконтроля, то есть, по Н. Элиасу, становясь «цивилизованным», индивид возвращает себя в общество, от которого он как бы сам себя дистанцировал, совершил от него самоотчуждение по причине такого «опыта самого себя», который выливается в самопотворство и эгоизм.

Резистанс — вещь героическая и редкая. Самопотворство — банальность в массовом масштабе

Опыт самопотворства довольно глубоко исследован писателями экзистенциального направления. В частности эта коронная тема Ф. Достоевского. В не вошедшей в роман Ф. Достоевского «Бесы» главе «У Тихона» монах Тихон говорит «амор-

⁷ <http://prosvetlenie.daism.ru/statya-wie/epidemiya-nartissizma>.

⁸ В. Луков Возрождение — <http://www.world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3682.html>.

⁹ Ю. Давыдов. Этика любви и метафизика своеволия. М.: Молодая гвардия, 1982. — http://www.libtxt.ru/davidov_yuriy/51419-etika_lyubvi_i_metafizika_svoevoliya_problemi_nravstvennoy_filosofii.html

¹⁰ См.: Т. Ковалевская. Проблема самообожения в европейской культуре. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктор философских наук. М., 2013.

¹¹ <http://mydocx.ru/5-23905.html>.

ралисту», «самопотворщику» и вообще человеку, на чьем счету, в том числе, и «подвиг» растения малолетнего ребенка, — говорит Николаю Ставрогину всю правду о нем самом: «Я перед вами ничего не утаю: меня ужаснула великая сила, ушедшая нарочито в мерзость»¹². В связи с деструктивными последствиями самопотворства экзистенциалисты много говорят об ответственности человека, наличие которой (ответственности) выступает соответствующим противоядием. В этой связи очень странным, если не загадочным, представляется мнение П. Бурдые, высказанное им в работе «Начала». П. Бурдые назвал экзистенциализм «потворством жизненному опыту». Вот уж кого-кого, а Ж.-П. Сартра и А. Камю в подобной установке никак нельзя обвинить. Скорее, наоборот. Весь пафос этих мыслителей, как сейчас говорят, «заточен» на ответственность индивида за свой выбор и свои поступки, а значит, экзистенциализм ориентирован в значительной степени на самодисциплину отдельного человека.

Интрига в «истории с самопотворством» состоит, похоже, в другом. Если Н. Элиас считает, что цивилизации еще нет, если нет самодисциплины и самоконтроля над аффектами и наоборот, то тогда парадокс налицо. Именно в том, что мы традиционно называем цивилизацией, как раз и полно признаков самопотворства, будь то пароксизмы гедонизма, чувственной и моральной распущенности и прочих, как говорят, «болезней цивилизации». Конечно, с чисто логической точки зрения, (с точки зрения «определения понятий») здесь нет никакого противоречия: «цивилизация», по Н. Элиасу, уже по определению исключает самопотворство. Однако факт остается фактом — цивилизация как ступень развития, открывающая человеку неизмеримо больше возможностей для самоопределения и самораскрытия, действительно не застрахована от искушений девиантностью и на свой лад провоцирует самообольщение и «самообожение». Так что нет мира под оливами. «И вновь продолжается бой!» Зло, каковое следует за самопотворством, не столько логически, сколько фактически должно стать реальностью, чтобы вызвать реакцию оторопи и гнева, этих начал противодействия, или, как говорят экзистенциалистские авторы, «резистанса». Похоже, что той же стратегемы противоядия человеческому самопопустительству в условиях «постмодернистской цивилизации» придерживался и уже цитируемый Ю. Давыдов, когда писал: «Распространение духа зла, о чем сегодня говорят совсем не безопасные для человечества игрища сексуальной революции, интеллектуальные игры и садо-мазохистские настроения постмодернистов, к сожалению, это уже эмпирический факт. Однако столь же эмпиричен и факт нарастающего неприятия такого рода игр, когда люди сталкиваются с их неигрушечными последствиями. *На это и надежда*»¹³.

У «нарастающего неприятия» есть, естественно, своя скорость нарастания. При этом улита истории движется, известно как. Скорость, с какой наступают последствия самопотворства, может намного обгонять темпы осознания надвигающихся неприятностей. И тогда сотворенное зло становится «драматическим учителем» прекраснодушного самопопустительства. Как-то само собой напрашивается хрестоматийный пример с одной европейской нацией, которая, не сильно сопротивляясь, впала в грех самопотворства своей националистической, хуже того, расовой исключительности. Но сегодня актуальнее привести иллюстрацию из хроники страны «родных осин». Оно и актуальнее и профилактичнее.

О национальном самодовольстве: политические последствия не за горами

Речь идет об особенностях отечественного национализма, громкий политический дебют которого состоялся ещё на рубеже XX столетия. Две вещи необходимость артикулировать в этой связи. Во-первых, в подобных случаях мы имеем дело не с индивидуальным самопотворством, а массовым, что позволяет промоделировать социальные последствия этой девиантности до настоящей масштабности и неотвратимости. А, во-вторых, обращает на себя внимание имена авторов, которые знали, что говорили. «Национальное самосознание, — писал Вл. Соловьев (1853 — 1900), — есть великое дело, но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него — национальное самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не для отдельных только лиц, но и для целых народов»¹⁴. В том же духе писал С. Франк: «Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно губителен. «Славянофильство» есть в этом смысле органическое и, по-видимому, неизлечимое нравственное заболевание русского духа (особенно усилившееся в эмиграции). Характерно, что Вл. Соловьев в своей борьбе с этой национальной самовлюбленностью не имел ни одного последователя. Все, на кого он имел в других отношениях влияние — и Булгаков, и Бердяев, и Блок — свернули на удобную дорожку национальной самовлюбленности. Бердяева это прямо погубило»¹⁵.

С. Франк говорит, что идея «национальной самовлюбленности» как род самопотворства стубила творчество Н. Бердяева. Но по факту речь могла бы идти о гибели всего уклада российской империи в горниле I Мировой войны — той войны, начало которой русское общество встретило, как известно, на волне беспрецедентного «ура-патриотизма» и боевого лозунга «Константинополь наш!», «Босфор и Дарданеллы наши!», а вышло из войны совсем не «патриотично» — свергло собственного императора. В этом смысле I Мировая война для России была не столько вынужденным событием, сколько неизбежным следствием национального самопотворства своей славянофильской миссии. Сегодня мало кто знает и тем более помнит, что I Мировая война и вступление в неё России должно было состояться еще в 1909 году в разгар боснийского кризиса. Именно тогда один из самых трезвых и волевых премьер-министров П. Столыпин не дал Николаю II втянуть Россию в боснийско-австрийский конфликт и даже вынужден был отправить в отставку своего друга — министра иностранных дел А. Извольского. Как пишет российский историк Н. Рутыч, «Боснийский кризис 1909 г. был своего рода прологом, «репетицией» того, что произошло в 1914 году ... В 1909 году Столыпин сумел предотвратить начало войны благодаря своей воле и настойчивости и в Совете обороны, и в Совете министров ... И нет сомнения, что будь он жив в июле 1914 года, он бы с такой же настойчивостью боролся за мир, как и во время Боснийского кризиса»¹⁶. Есть свидетельства также и о том, что Николай II внутренне чувствовал, что втягивание страны в пагубность войны 1914 года есть своеобразная плата за наркотическую зависимость от ура-патриотического славянофильства и что царь в последний момент дал приказ остановить уже объявленную мобилизацию. И когда военные, переполненные по-

¹² Ф.М. Достоевский. Бесы. Ненапечатанная глава "У Тихона". - <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostf42.htm>

¹³ Ю. Давыдов. "Патологичность" состояния постмодерна" // Социологические исследования, 2001, № 11, с. 12

¹⁴ Вл. Соловьев. Национальный вопрос в России. - <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>

¹⁵ С. Франк Письмо Г. Федотову, 1949. - <http://www.newreviewinc.com/?p=819>

¹⁶ Н. Рутыч. Думская монархия: Статьи разных лет. СПб.: Logos, 1993, с. 61

бедоносным угаром, «объяснили» императору, что «отбой» технически невозможен, Николай II довольно быстро и безвольно дал себя уговорить, доказывая лишь то, что потворство «слепому патриотизму» — это как «охота (желание), которое пуще неволи (самодисциплины)».

Сегодня, наблюдая картину потворства и попустительства постмодернистской прагматике, релятивизации всего и вся, упрощению, варваризации, неприхотливости «оппортунистического поведения», не пора ли подумать: «А, может быть, хватит!» — За Культуру, за Язык, за Мысль, за Истину, Доброту и Красоту как за абсолютные ценности надо постоять. У Черчилля спросили подуставшие в борьбе соотечественники: «За что боремся?» Он сказал: «Я отвечу: вот когда перестанете бороться, тогда узнаете!» Сегодня складывается впечатление, что люди культуры, люди доброй воли рано расслабились. Как-то в «классические», «проектные», «идейные» времена жили с четким пониманием, что не всякая реальность есть действительность. Действительно то, что разумно, что соответствует «природе вещей», а не их искажению и деградации. Да, такое про-

ницательное отношение к миру — редкий гость в этой «юдоли скорби и плача». Да, **мир** несовершенен. Да, он чаще склоняется ко Злу, он, можно сказать, «лежит в нем». Но это именно **мир** и его «дурная привилегия» — двигаться по «инфляционному сценарию», устраивать «завтраки на обочине» и предаваться «играм на понижение». Но есть **Ты**, упертый и сопротивляющийся, есть **Ты**, его настоящая и абсолютная гарантия от добровольной децивилизации.

Иногда нет необходимости в теоретических обобщениях. Жизнь сама подсказывает участникам человеческой драмы точные слова. Дьякон Андрей Кураев поступил так, как ему, по-видимому, подсказывала совесть, и стал критиковать православных иерархов за присутствие в церкви «голубого» лобби. Мог бы и за другое. Не важно. Реакция церковных иерархов последовала незамедлительно: увольнение из Московской духовной академии! Но интересно даже не это. Важно то, что сказал А. Кураев: «Я не изменился, я остался прежним. Меняется церковь. И не все такие перемены меня радуют»¹⁷. Это слова, которыми заговорила как бы самая жизнь, самое бытие, самая ситуация. И это знак объективности, а не капризности и случайности «кейса». Вот почему, как сказал классик: «Главное — слова. Остальное всё — болтовня».

¹⁷ <http://diak-kuraev.livejournal.com/583641.html>